

Мария Мартиросова

серия
ГРАЖДАНИН
Мир

Фотографии на память

Мария Мартиросова

"Я верю, что фотографии и вправду запечатлевают что-то навсегда. И хорошее и плохое. Запечатлевают и не дают забыть. Если человек помнит о чём-то хорошем, ему обязательно захочется это хорошее сделать снова. А если плохое не забыл, то, значит, никогда больше его не повторит"

Вопросы к читательской конференции

1. О чём, по-вашему книга М. Мартиросовой? Каково Ваше восприятие повести?
2. Случайно ли в повести соединены послевоенный 1947 год и мирные 90-е? Что изменило людей, вместе переживших тяжёлые послевоенные годы?
3. Как зарождается национальный конфликт? Почему одни герои его разжигают конфликт, а другие не участвуют в нем? Как конфликт повлиял на жизнь главной героини?
4. Насколько актуальна повесть в настоящее время? Какие уроки помогает извлечь автор повести? Что поможет преодолеть разобщенность и не повторить возникновение национальных конфликтов?

— Какие шикарные фото! — остановилась Офелия. — Кто снимал?

Ребята дружно кивнули на Вову.

— Молодец, — похвалила Офелия. — А меня сможешь так? В следующий раз, когда я приду. Договорились? — и она зацокала своими каблучками к воротам.

Все молча смотрели на Вову. Он смущенно улыбался, выравнивая и без того ровную стопку фотографий. От них пахло сладкими духами Офелии.

— Пристроился... — вдруг прошипел Ровшан. — Умеете же вы, жиденята... Небось пахан бабки лопатой на работе загребает, так еще и сыночка пристраивает!

Вова побледнел:

— Папа на фронте погиб, — срывающимся голосом проговорил он. — В сорок втором, в Севастополе...

Ровшан был уверен, никто за Вову заступаться не станет. Он ведь из чужого двора.

— Как ты его назвал? — отрывисто спросил Витька.

— Жиденком, — ухмыльнулся Ровшан. — А что?

Витька медленно подошел к нему, уставился исподлобья и тихо, почти неслышно, сказал:

— Катись отсюда. И из нашей команды тоже выкатывайся, фашист!

Лятиф, который всего несколько дней как научился свистеть, засунул в рот два грязных пальца и пронзительно свистнул.

— Фашист, — в один голос проговорили Гаврош и Алик, подталкивая Ровшана к воротам.

— Фашист, — присоединился к ним Сейфали.

— Гитлер! — заорал Лятиф.

Я перебрала старые выгоревшие снимки. На них все, кроме дяди **Вовы**. Строго сдвинув брови и зажав под мышкой ободранный кожаный мяч, прямо в объектив смотрел капитан команды, дядя **Витя**. Нападающий, дядя **Алик**, показывал рожки из-за круглой стриженной головы дяди **Лятифа**. Судья, дядя **Сейфали**, выпятил грудь, на которой блестел большой никелированный свисток. А в первом ряду, с закрытыми глазами, смущенно улыбался вратарь. **Гарик**. Мой папа. Он всегда боялся пропустить момент, когда нужно замереть, широко раскрыв глаза. Готовился к этому изо всех сил, даже бледнел от волнения. Но почти всегда получался с закрытыми глазами.

Однажды мы купили несколько игрушек, отпросились у директора и пошли к своим подшефным. У всех было отличное настроение: весна, тепло, с уроков отпустили... Даже Джаваншир увязался за нами.

Конечно, мы все сделали не так, как надо. Пришли не вовремя (у детей вот-вот должен был начаться тихий час), принесли не то, что требовалось (таких игрушек в Доме ребенка — навалом, а вот цветных карандашей и альбомов не хватает). Но Наргиз упростила директора, и нас впустили. Ненадолго, только чтобы посмотреть на своих подшефных. Это была старшая группа — трех-четырёхлетние дети. На них уже натянули одинаковые байковые пижамки, уложили в кровати. И тут входим мы, 5 «Г» в полном составе. Я никогда не думала, что в комнате может быть такая тишина. Дети молча разглядывали нас, а мы стояли, нелепо улыбаясь и протягивали им резиновых уточек, плюшевых медвежат, лупоглазых кукол. Вдруг один рыжий веснушчатый мальчишка вылез из-под одеяла, подошел к Грише, встал на цыпочки и потянулся к его лицу.

— Это из-за очков, — объяснил нам Гришка, подхватывая малыша на руки, — маленькие, знаете, как очкариков любят?

Сразу стало шумно. Дети отбрасывали одеяла, подбегали к нам и, не обращая внимания на игрушки, карабкались к нам на руки. Маленький темнокожий мальчишка крепко обнимал Джаваншира, прислоняясь «каракулевой» головкой к широкой груди своего «шефа». У меня на шее висела хорошенькая девочка с шелковистыми светло-русскими волосами.

— Мама? — спрашивал у Наргиз стриженный наголо мальчишка.

У Наргиз по щекам текли слезы, она вытирала их плюшевым медвежонком.

серия
ГРАЖДАНИН
Мир

Фотографии на память

Мария Мартиросова

"Я верю, что фотографии и вправду запечатлевают что-то навсегда. И хорошее и плохое. Запечатлевают и не дают забыть. Если человек помнит о чём-то хорошем, ему обязательно захочется это хорошее сделать снова. А если плохое не забыл, то, значит, никогда больше его не повторит"